

Выйдя за пределы главного зала, Вэй Цзыфу ощутил, как ночной ветерок мгновенно прояснил голову, а ломота в теле стала ещё отчётливее. Мимо прошел отряд патрульных воинов. Заметив впереди командира, Хань Шо узнал в нём Вэй Цина — младшего брата любимой наложницы Лю Че, Вэй Цзыфу.

После гибели старшего брата Хань Яня, Лю Че приблизился к нему. Первое время это больше походило на принуждение, но вскоре стало обычным делом. Хотя император регулярно навещал его, Хань Шо вовсе не чувствовал себя более любимым, чем Вэй Цин. Лю Че вечно обращался с ним как с вещью: звал, когда вздумается, и отталкивал, когда надоедал, используя лишь как инструмент для сброса страсти. При этом Хань Шо отчётливо помнил, как во время бесед и обсуждений государственных дел лицо Лю Че озарялось совершенно иным светом.

Яркие фейерверки угасли, но разве не должна подняться зелёная буря?

В этот день Цао Сян направился напрямик в дом Вэй Цина, но хозяина на месте не застал. Приёмом гостей заведовала старшая служанка по имени Жуйюй, и по тому, как держались младшие слуги, посторонний мог легко принять её за хозяйку дома. На вопрос о том, куда отлучился Вэй Цин, ответили, что он недавно ушел прогуляться в город; точного направления никто не знал, ведали лишь, что он направился на юг.

Покинув жилище Вэй Цина, Цао Сян по подсказке слуг направился к южным торговым рядам. Примерно он представлял, куда мог отправиться Вэй Цин. За три года у него было достаточно времени, чтобы досконально изучить все привычки парня.

Он знал, что на южном рынке есть винная лавка, а напротив неё — лавка, торгующая лепёшками.

Свежеиспечённые лепёшки источали густой аромат. Стоило приблизиться к этому месту, как нос тут же улавливал аппетитный запах. Насытившись изысканными деликатесами, после роскошных дворцовых пиров этот аромат казался необычайно свежим.

Не тот ли самый юноша шёл сквозь толпу, на ходу откусывая лепёшку? Цао Сян улыбнулся: приближавшийся к своему двадцатилетию Вэй Цин заметно вырос, но уплетал лепёшки точно так же, как и прежде.

Кто-то хлопнул его по плечу, Вэй Цин обернулся и увидел Цао Сяна. Встречаясь на улице не впервые, Вэй Цин поприветствовал его кивком и взглядом. Цао Сян не стал церемониться: вытащил из-за пазухи парня одну из лепёшек и тоже принялся за неё, а затем, хлопнув Вэй Цина по плечу, зашагал рядом с ним в ногу.

— Если так хочется лепёшек, отдал бы приказ кухне — их бы мигом напекли, зачем вечно тащиться сюда? — спросил Цао Сян.

— Сам не знаю, какой секретный рецепт используют в этой лавке, но здешние лепёшки панам

куда ароматнее остальных, — ответил Вэй Цин.

— Да неужто? Неужто ароматнее стряпни девчонки Жуйюй?

Лицо Вэй Цина тут же залилось краской смущения. Заметив это, Цао Сян рассмеялся:

— Ты уже не мальчик, не думал о том, чтобы жениться?

Вэй Цин ничего не ответил, лишь густо покраснел — румянцем покрылись даже мочки ушей и шея.

— Я ведь всего слово сказал, а ты уже выглядишь как зажаренный поросёнок, — усмехнулся Цао Сян.

Вэй Цин торопливо отвернулся. Цао Сян расхохотался:

— Прекрасная дева — достойная пара благородному мужу.

От этих слов над головой Вэй Цина, казалось, всюду поднимался горячий пар. Судя по всему, юноша действительно впервые познал сердечную страсть, вот только избранницей его была вовсе не Вэй Цзыфу.

Обладал ли Вэй Цин великими добродетелями или же был отъявленным злодеем — всё это не имело никакого отношения к Цао Сяну. Его мало волновало, есть ли у Вэй Цина те самые таланты, о которых все говорили; он знал лишь одно: юноша получил возможность заявить о себе лишь потому, что стал наложником Лю Че. Эта мысль вызывала у Цао Сяна глубокое отвращение. В конце концов, разве это не торговля собственной красотой ради милости господина?

Материнские интриги принесли дому маркиза Пинъян богатство и милость императора, но Цао Сяну было крайне неприятно видеть, как бывший домашний раб благодаря особой благосклонности Лю Че становится с ним вровень. Он предпочел бы, чтобы Вэй Цин добился нынешнего положения собственными силами.

А потому Вэй Цина следовало как можно скорее оградить от Лю Че.

С этой мыслью Цао Сян произнес:

— Похоже, мне на роду написано быть твоим сватом.

Вэй Цин, казалось, подавился лепёшкой. Закашлявшись, он испуганно проговорил:

— Господин... изволит шутить.

Как он мог открыто признаться, что они с Жуйюй уже давно тайно поклялись друг другу в верности до гроба?

Хотя предложение высокородного человека выступить сватом было величайшей честью, с чего вдруг Цао Сян проявил такую заботу? Отношение этого бывшего юного господина к нему явно выходило за рамки того, как аристократы обычно обращались к своим слугам или подчиненным, и это вызывало у Вэй Цина тревогу и беспокойство. Разве Цао Сян не должен был презирать его сильнее всех на свете?

Впрочем, куда сильнее Вэй Цина волновал Лю Че. Если раньше он старался угождать императору лишь ради старшей сестры, то после трёх лет совместной жизни постепенно проникся глубоким уважением к его грандиозному уму и государственному масштабу. Было бы лишь прекрасно, если бы Лю Че немного умерил свою страсть к плотским утехам. И хотя их собственные отношения с императором вовсе не были такими, какими их рисовали за глаза, а во дворце хватало других красавиц, Вэй Цин всё равно не мог без боли смотреть на то, как его третья сестра Вэй Цзыфу в одиночестве прижимает к груди младенца, погруженная в безмолвную тоску и безысходность.

— Ну и что же? Раньше не думал, а теперь вот надумал, — продолжал Цао Сян.

— Зачем господину насмехаться над недостойным...

Цао Сян улынулся. Видя, как сильно тот смутился и готов сквозь землю провалиться от стыда, он решил больше не давить на него.

Расставшись с Вэй Цзином, Цао Сян направился прямо во дворец.

А Вэй Цин возвращался домой и издали заметил у ворот какую-то суету. Какой-то мужчина, одетый так, что его нельзя было назвать ни магом-даосом, ни учёным мужем, о чём-то спорил со стражниками у входа.

— Мои чудодейственные талисманы способны изгонять нечисть и отводить бедствия, они принесут мир и покой в ваш дом! Как вы можете быть столь слепы к добру?

— Ты сам притащился сюда, схватил эту дрянную бумажонку и самовольно наклеил её на ворота! Скажи спасибо, что мы не заставляем тебя оттирать их, так что убирайся живо, пока цел!

Приблизившись, Вэй Цин заставил стражников почтительно поклониться. Взглянув на ворота, он действительно обнаружил там желтый бумажный талисман, а затем перевёл взгляд на незнакомца. Издалека тот казался прилично одетым, но вблизи его грубые, разодранные

одежды были покрыты застарелыми масляными пятнами, а соломенные сандалии и вовсе разваливались.

— Раз уж приняли чужой талисман, следовало хотя бы поблагодарить человека, — произнёс Вэй Цин.

Мужчина отвесил поклон:

— Сяожэнь Нин Чэн, давно наслышан о великой славе господина.

Вэй Цин ответил на поклон:

— Прошу вас, милостивый господин, в дом.

Вэй Цин оставил странника пообедать и заночевать у себя, за что, разумеется, вновь выслушал немало упрёков от Вэй Шаоэр — впрочем, к её ворчанью он уже давно привык. Если бы он вздумал спорить, Вэй Шаоэр всё равно осталась бы при своем.

Едва они закончили ужинать, как из дворца прибыл гонец с императорским указом: Вэй Цину велено немедленно явиться на аудиенцию к Сыну Неба.

Подобное случалось часто, и Вэй Цин не придавал этому особого значения. Поправив одежды, он вместе с евнухом отправился во дворец.

Добравшись до покоев императора, он застал Лю Че за неспешным распитием вина. Совершив положенный по ритуалу поклон, Вэй Цин услышал, как сияющий улыбкой император позвал его сесть напротив и составить ему компанию за чашей вина. Прежде они нередко так проводили время, и Вэй Цин, ни о чём не подозревая, занял указанное место и принялся подливать вино в чашу Лю Че.

— Вэй Цин, Я хочу тебя поздравить.

— Ваш слуга в трепете. Не смею знать, откуда такая радость?

— Всё ещё притворяешься? — во взгляде Лю Че сквозила лёгкая поволока, казалось, он уже захмелел на треть. С улыбкой ткнув пальцем в нос Вэй Цина, император продолжил: — Дело касается твоих собственных сердечных дел. Вдовствующая императрица уже знает, да и Я тоже в курсе. Теперь тебе остается лишь в тишине ожидать назначенного часа.

Вэй Цин слегка растерялся, но тут же сообразил, что здесь не обошлось без вмешательства Цао Сяна. На смену удивлению пришла радость: теперь у Жуйюй больше не останется предлогов отказывать ему в законном статусе.

Он тут же опустился на колени и трижды ударил челом оземь:

— Благодарю Ваше Величество за милость!

Лю Че знаком велел ему подняться, занять прежнее место и сам наполнил его чашу:

— Раз уж день такой радостный, Я решил отпраздновать это событие заранее. Давай-ка выпьем ещё за это.

Вэй Цин выпил и послушно наполнил чашу императора.

Лю Че пил вместе с ним, весело улыбаясь:

— Смотрю я на тебя: вечно строишь из себя неприступного праведника, а глядишь — небось давно уже новобрачным ходишь.

Лицо Вэй Цина мгновенно запылало. Заметив это, Лю Че хлопнул ладонью по низкому столику и громко рассмеялся. С трудом совладав с собой, он вновь принялся подливать вино. Вэй Цин не смел отказываться, и кубки сменяли один другой.

Прошло совсем немного времени, как голова Вэй Цина отяжелела, окружающий мир поплыл и расплылся, а звуки долетали словно сквозь плотную завесу. Сквозь туман в голове ему показалось, что Лю Че махнул рукой, приказывая слугам убрать вино и столики. Вокруг стало темно, а затем его прижало к полу чем-то тяжёлым...

Казалось, наступило утро. Вэй Цин лежал лицом в подушки, тело ломило от боли, но сознание прояснилось необычайно — несмотря на вчерашнее пьянство, он был абсолютно трезв. Лю Че спокойно поднялся, переоделся и удалился в превосходном расположении духа, не сказав на прощание ни единого лишнего слова. Всё выглядело столь естественным, словно ничего особенного и не произошло.

Стоило императору оказаться в императорской паланкине, как напускное спокойствие на его лице мгновенно испарилось. Он свесился вбок, подперев рукой подбородок, отвернулся в сторону и, поджав губы, принялся беззвучно чмокать и посасывать рот.

— Вэй Цин. Вэй Цинь. Вэй... Цинь? Вэй... айцин? А имя-то у него и впрямь хорошее, — уголки губ императора тронула едва заметная улыбка. — Я же не Люся Хуэй, с чего это вдруг терпел целых три года?

Придворные евнухи явились прислуживать Вэй Цину, и взгляды их оставались точно такими же, как и прежде: по их разумению, минувшая ночь ничем не отличалась от всех предыдущих, ведь последние три года всё так и было. Вэй Цин был совершенно не в силах объяснить кому-либо все эти хитросплетения и обиды. Когда он попытался собраться домой, путь ему

преградили, сославшись на то, что у императора есть приказание: Вэй Цину надлежит оставаться во дворце до возвращения Лю Че, которому нужно обсудить с ним некое важное дело. Делать было нечего, пришлось ждать.

Он и представить не мог, что солнце способно двигаться так медленно. Окруженный придворными слугами, Вэй Цин больше не чувствовал себя столь же непринужденно, как раньше.

Когда Лю Че наконец вернулся, он вновь не обмолвился ни единым лишним словом, не выказал никаких знаков внимания — всё было как всегда. Велев Вэй Цину приблизиться и сесть напротив, император пододвинул к нему стопку докладов и свитков с указами, требуя изучить каждый из них.

Пока Вэй Цин читал, Лю Че произнёс:

— Думаю, тебе прекрасно известны дела этих людей. Все они — знатные родственники императорского дома, занимающие высокие посты, а потому их распри наделали столько шуму.

Указав пальцем на одно из имён в свитке, император продолжил:

— Особенно этот человек. Возомнив себя влиятельной персоной из-за того, что он приходится братом самой вдовствующей императрице, он выхлопотал себе титул маркиза, открыл какой-то павильон для привлечения талантов и держит целую армию придворных мужей, выказывая им невероятные почести. Он что, мнит себя удельным князем времён Вёсен и Осеней? Чего ради люди рождаются на свет и обретают такое богатство? Почему бы им просто не наслаждаться жизнью? К чему все эти сборы мудрецов и призывы учёных мужей?

У Вэй Цина от этих слов по спине побежали мурашки — казалось, кожу пронзили тысячи острых иголок. Он вспомнил вчерашнего странника Нин Чэна, появившегося у его порога, и то, как сам оставил его у себя. И раз уж Лю Че завёл об этом речь, не догадывался ли он обо всём заранее?

Лю Че с безмятежной улыбкой в упор смотрел на него. Собравшись с духом, Вэй Цин опустил взгляд и ответил:

— Ваше Величество проницательны! Вы придумали столь изощрённый способ обуздать знать их же руками, стравить двух тигров друг с другом, чтобы в конце концов они оба пали жертвами этой борьбы. Без малейших усилий Вы избавились от двух главных угроз в самом сердце империи.

Как бы то ни было, поступок Лю Че действительно был безупречен по исполнению, а методы — поразительно искусно выстроены. При всей безжалостности императора, заставлявшей кровь стечь в жилах, нельзя было не признать его величие. За последние годы Лю Че поистине

приобрёл истинный облик владыки Поднебесной.

Лю Че от этого сделался ещё веселее и с воодушевлением принялся расписывать, как именно эти вельможи грызлись между собой, как он сам искусно выступал в роли миротворца, а теперь, когда пришло время их уничтожить, сколь сильно он, оказывается, сострадает им в душе. Вэй Цин молча слушал, изредка подобострастно поддакивая. Восхищаясь императором, он всё же не мог отделаться от гнетущего чувства дискомфорта: в конце концов, его третья сестра Вэй Цзыфу приходилась Лю Че женщиной, да и сам он, пусть и занимал низкое положение, формально тоже относился к императорской родне. Почему же Лю Че так бесцеремонно рассуждает о подобных вещах перед ним запугивает ли он его намеренно, пытаясь усмирить дерзких, или просто говорит всё это в порыве откровения?

Разгорячившись от собственных слов, Лю Че схватил Вэй Цина и притянул к себе в объятия. Придворные евнухи тотчас же, соблюдая такт, опустили плотные шёлковые занавеси.

Утвердившись на своём, Лю Че прижал его к постели. Вэй Цин попытался слегка сопротивляться, но не смел открыто идти против воли господина.

Вспомнив, какими методами император расправлялся с неугодной знатью, Вэй Цин почувствовал, как сердце уходит в пятки. Охваченный беспричинным ужасом, он прекратил всякое сопротивление, закрыл глаза и отчаянно решил: будь что будет. Подчинившись Лю Че, он по крайней мере не умрет, но если вздумает послушаться — кто знает, в каких муках оборвётся его жизнь.

Лю Че провёл кончиком пряди волос по носу Вэй Цина:

— Чего глаза зажмурил? Смотри на меня.

Вэй Цин поневоле открыл глаза. Император рассмеялся, навалившись на него всем телом, придвинулся к самому уху и тихо прошептал:

— О том, как мы публично выказываем милость, а за спиной строим козни, никто не должен знать. Я рассказываю об этом только тебе, смотри же никому не проболтайся...

Вэй Цин испытывал одновременно досаду и горькую усмешку. Не выдержав, он произнёс:

— Раз Ваше Величество так опасается утечки, разве не проще было бы вообще никому об этом не рассказывать?

Лю Че потянул его за рукав:

— Мне хочется говорить об этом именно тебе! Хочешь слушать или нет — всё равно будешь слушать, не смей мне отказывать!

Вэй Цин горько улыбнулся. За три года совместной жизни он успел понять, что в душе император оставался сущим ребёнком, не терпящим никаких отказов.

— Слушаюсь и повинуюсь вашему приказу, — тихо ответил он.

В день свадьбы Вэй Цина и Чжэн Жуйюй, едва завершились все свадебные обряды и они переступили порог брачных покоев, во дворец примчался срочный приказ от Лю Че. Не смея ослушаться, Вэй Цин бросился во дворец.

Лю Че сидел в одиночестве, погруженный в игру в го. Глядя на эту согбенную спину, можно было подумать, будто император бесконечно одинок, словно горный пек, воющий на одинокую луну на краю обрыва.

Завидев спешно прибывшего Вэй Цина, Лю Че принял прежний суровый вид, однако в глубине его глаз плясали искры затаённого веселья, а лицо едва заметно светилось. Неторопливым голосом император спросил:

— Вэй Цин, ты всегда слыл умным человеком, неужто ты сам не понимаешь, каких ошибок наделал?

Вэй Цин поспешно ответил:

— Ваш слуга в трепете! Прошу Ваше Величество разъяснить!

Бросив чёрный камень на доску, Лю Че произнёс:

— Во-первых, будучи чиновником высокого ранга, ты тайно заключил союз с простой служанкой! Я ведь собирался подыскать тебе в жёны благородную девицу из знатного рода, а ты сотворил такую глупость — этому нет прощения! Во-вторых, ладно бы просто тайный сговор: если бы ты обратился ко мне за милостью, Я ведь не бесчувственный тиран и не стал бы препятствовать твоему счастью. Но вместо этого ты поручил маркизу Пинъян выступить сватом и сперва доложить обо всем вдовствующей императрице! Выходит, Я узнал об этом самым последним? И как это понимать прикажешь?

— Маркиз Пинъян действительно упоминал о намерении посватать меня, но я не давал согласия и уж тем обрезал все поручения выступать моим сватом. Об этом замысле я совершенно ничего не знал!

— Да неужто? — прищурившись, наседал Лю Че. — С каких это пор вы стали так близки? Настолько, что знатный вельможа сам вызвался быть сватом у чиновника твоего ранга?

— Полагаю, маркиз Пинъян просто поддался сиюминутному порыву и решил попробовать себя в роли свата.

Лю Че пожал плечами, движением плеч сдерживая рвущуюся наружу улыбку. Он уже успел досконально во всём разобраться и знал, что Вэй Цин не лжёт. Затеять этот допрос сейчас он решил лишь для того, чтобы в очередной раз дать понять: впредь во всех делах на первом месте должен стоять он, Лю Че. Ну и, разумеется, понаблюдать за перепуганным видом Вэй Цина было весьма забавно. Раз уж Вэй Цин так возжелал женщину — пусть забирает, в конце концов, это сущая мелочь.

С этими словами Лю Че схватил его за руку, поднял с колен и потянул вглубь покоев, от начала и до конца не обмолвившись ни единым словом о том, что сегодня у Вэй Цина вообще-то день свадьбы. Тем временем в особняк Вэй Цина уже прибыл императорский указ: возвести новоиспечённую наложницу средника Саньцзюньского двора Вэй Цина, Чжэн Жуйюй, в ранг благородной девицы.

Наложницу... точнее, служанку?

В брачных покоях заплаканная невеста просидела в одиночестве до тех пор, пока полностью не догорели красные свадебные свечи...

В десятом месяце Гуань Фу был казнен на городской площади; в двенадцатом месяце та же участь постигла Доу Ина. Вскоре после этого три могущественных клана знати — Доу, Ван и Тянь — были полностью разгромлены.

Вэй Цин шёл по улице медленным шагом. Отношение Лю Че к Жуйюй было очевидно с самого начала, но он не смел возразить и был вынужден лишь покорно принять происходящее. Стоило оглянуться — и вот человеческие головы катились по пыльной мостовой. Ему меньше всего хотелось бы отыскать среди них голову Жуйюй.

Поток зевак шумел за спиной. Краем глаза Вэй Цин заметил мелькнувшую фигуру и, встрепенувшись, резко обернулся, но на улице уже никого не было. Он узнал его — это был Дун Янь. В те дни, когда Хань Янь был еще жив, Лю Че приблизил к себе и Дун Яня, осыпав его несметными богатствами, о которых знала вся Поднебесная, — лишь для того, чтобы в мгновение ока безжалостно выбросить прочь.

Теперь он, должно быть, так же скитался где-то по столице или её окрестностям. Если глаза не обманули его, кто бы мог поверить, что этот оборванный нищий и есть некогда блистательный Дун Янь? Торговля собственной красотой — долго ли она способна приносить благополучие? А могущественные кланы Доу, Ван и Тянь — еще вчера они купались в лучах славы, а чем всё закончилось? Что толку от сегодняшнего богатства, если завтрашний день не сулит ничего?

Спустя полгода Вэй Цзыфу забеременела в третий раз, но, к сожалению, вновь родила девочку.

В шестой год правления Юаньгуан Лю Че исполнилось двадцать восемь лет, но у него по-прежнему не было сыновей. А у двадцатидвухлетнего Вэй Цина уже подрастали старший сын Вэй Кан и младший Вэй Буи.

Лицо Лю Че потемнело до синевы.

Сыма Тань осторожно заметил:

— Ваше Величество полны сил и молоды...

Не успел он договорить, как император оборвал его грозным окриком:

— Хм!

В голове Лю Че в этот момент крутились лишь два слова: сын, сын, сын...

Сыма Тань заметил, как император уставился куда-то в сторону, словно выискивая взглядом добычу. Проследив за его взором, летописец увидел Хо Цюйбина. Лю Че сверлил мальчика тяжёлым, пронзительным взглядом.

— Сколько нынче лет Хо Цюйбину? — неожиданно осведомился император.

Сыма Тань изумился столь резкой смене темы, но ответил:

— Кажется, двенадцать.

— Двенадцать лет назад мне было шестнадцать. Отсчитаем назад ещё десять месяцев — значит, мне исполнялось пятнадцать. В те дни я частенько бывал в особняке маркиза Пинъян. Видел ли я тогда Вэй Шаоэр? — бормотал себе под нос Лю Че, загибая пальцы.

Сыма Тань лишь молча опустил голову.

Постояв в молчании, Лю Че с кислым и разочарованным выражением лица прекратил подсчёты: «Тьфу! Знал бы прикуп — даже если бы меня забили до полусмерти слуги князя Вансуня, я обязан был проявлять куда больше усердия и щедро сеять своё семя налево и направо!»

Сыма Тань молча уткнулся кистью в бамбуковые планки, продолжая вести запись.

Летом на северных рубежах вспыхнула тревога: хунну вторглись в область Шангу. Лю Че пожаловал Вэй Цину титул военачальника колесниц и конницы, повелев ему совместно с Гунсунь Ао, Гунсунь Хэ и Ли Гуаном выступить в поход. Четыре военачальника, каждый во главе десятитысячного отряда конницы, двинулись навстречу врагу.

Из четырёх армий лишь корпус Вэй Цина смог отрубить сотни голов врагов, нанеся удар прямо

по священным землям кочевников, после чего вернулся без потерь. Остальные три армии потерпели поражение: войска Гунсунь Ао, Гунсунь Хэ и Ли Гуана либо потеряли более семидесяти процентов личного состава, либо были разбиты наголову с пленением командующих, либо заблудились в степи и вернулись ни с чем.

Пусть плоды этой победы оказались скромными, она стала первым триумфом над хунну со дня основания династии Хань. Настроения при дворе всколыхнулись: оказалось, что северных варваров вполне можно побеждать!

На лице Цао Сяна застыла счастливая улыбка. Первый же поход увенчался успехом — прекрасное начало. Похоже, чутье Лю Че не подвело, и у Вэй Цина действительно было блестящее будущее.

Следом за этим пришла весть, взбудоражившая весь императорский двор: Вэй Цзыфу забеременела в четвёртый раз и наконец родила Лю Че мальчика!

Первенец появился у императора лишь к тридцати годам, когда его сверстники уже вовсю нянчили внуков, так что радость Лю Че не знала границ. Не прошло и месяца, как Вэй Цзыфу была возведена в ранг императрицы. По заведённому обычаю, отец императрицы, каким бы ничтожным ни было его происхождение и даже будь он преступником, непременно должен был получить титул маркиза. Однако, к всеобщему удивлению, Лю Че не спешил выполнять этот ритуал.

Причиной тому по-прежнему оставалось слишком низкое происхождение Вэй Цзыфу... При дворе то и дело шептались: сколь бы ни был велик заслуга рождения наследника, факт того, что она начинала простой певицей, стереть было невозможно. Кроме своего прежнего господина — сестры Лю Че, принцессы Пинъян, — за спиной Вэй Цзыфу не стояло ни одного могущественного клана. Если уж выбирать хоть кого-то среди ничтожных, оставался лишь Вэй Цин.

На хрупкие плечи ещё столь юного Вэй Цина легла первая серьёзная проверка на прочность, вызванная чрезмерным и странным благоволением императора. Никто не знал, суждено ли ему стать лишь яркой кометой, что вспыхнет на мгновение и сгинет во тьме?

— Скажи-ка, Вэй Цин, кому из них двоих даровать титул? — с улыбкой спросил Лю Че, обращаясь к юноше на фоне придворных сплетен. — Твоя третья сестра — дочь твоей матери от другого мужа. И кто же был её настоящим отцом? Тот господин, которому служила твоя матушка, кто-то иной? А может, твой собственный отец? Господин, которому служила твоя мать, и так носил титул маркиза, а если речь о ком-то другом — мне вовсе не улыбается даровать этот титул чужаку. Ну а если это твой собственный родитель... — Лю Че на мгновение замолк, и на его лице проступило ещё более презрительное выражение. — Такого человека и вовсе не стоит упоминать.

Этот тип прижил сына от чужой женщины, привёл в дом и забросил, позволив злой жене третировать и унижать ребёнка — разве это мужчина? Гнев в сердце Лю Че вспыхнул с новой

силой, смешавшись с тёмной злобой: если уж и жаловать такому награду, то разве что белое шёлковое полотно для удавки да чашу с ядом!

<http://bllate.org/book/21150/2144303>